Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 48–65
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 48–65
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-48-65

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Очищение разума. Субъективные заметки об образе немецкой классической философии в творчестве Н.В. Мотрошиловой

П.В. Резвых
НИУ ВШЭ
105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, г. Москва, Россия
prezvykh@hse.ru

Аннотация. В статье дается анализ образа немецкой классической философии в историко-философских трудах Н.В. Мотрошиловой. Показано, что интерпретация немецкого идеализма у Мотрошиловой полемически направлена против стереотипного представления о его компенсаторном характере. Согласно Мотрошиловой, учение о чистом разуме, выступающее в качестве «теоретического контура» немецкой классической философии, выступает одновременно и как средство осознания ею собственной историчности, и как инструмент воздействия на социальную реальность. Методологические установки Мотрошиловой близки некоторым идеям Юргена Хабермаса, Райнхарта Козеллека, Дитера Хенриха. Вместе с тем в созданном Мотрошиловой образе немецкой классической философии выявляются

© Резвых П.В., 2025

параллели и аналогии с образом поколения советских/российских философов-шестидесятников.

Ключевые слова: Н.В. Мотрошилова, немецкая классическая философия, немецкий идеализм, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, методология истории философии, история понятий, шестидесятники

Для цитирования: Резвых, П.В. «Очищение разума. Субъективные заметки об образе немецкой классической философии в творчестве Н.В. Мотрошиловой». *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 48–65.

Поступила в редакцию: 06.10.25
Принята к публикации: 16.10.25

The Purification of Reason. Some Subjective Notes on the Image of Classical German Philosophy in Nelly Motroshilova's Works

Petr V. Rezvykh
HSE University
105066, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia
prezvykh@hse.ru

Abstract. The article delivers an analysis of the image of classical German philosophy in Nelly Motroshilova's works on the history of philosophy. It is shown that Motroshilov's interpretation of German idealism is polemically directed against the stereotypical notion of its compensatory nature. According to Motroshilova, the doctrine of pure reason, which acts as the "theoretical outline" of German classical philosophy, acts both as a means of realizing its own historicity and as an instrument of influencing social reality. Motroshilova's methodological approaches are close to some ideas of Jürgen Habermas, Reinhart Koselleck and Dieter Heinrich. At the same time, in the image of German classical philosophy created by Motroshilova, parallels and analogies are revealed with the image of the generation of Soviet/Russian philosophers of the sixties.

Keywords: Nelly V. Motroshilova, German classical philosophy, German idealism, I. Kant, J.G. Fichte, F.W.J. Schelling, G.W.F. Hegel, methodology of the history of philosophy, history of concepts, philosophers of the sixties

For citation: Rezvykh, Petr V. “The Purification of Reason. Some Subjective Notes on the Image of Classical German Philosophy in Nelly Motroshilova’s Works.” *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 48–65 (in Russian).

Received: 06.10.25
Accepted: 16.10.25

Думаю, не будет преувеличением сказать, что немецкая классическая философия занимала в историко-философских штудиях Н.В. Мотрошиловой центральное место. Наряду с феноменологией это была одна из тех философских традиций, к которым она возвращалась вновь и вновь на различных этапах своей научной деятельности и в изучении которых, как мне кажется, наиболее полно раскрылись все аспекты ее исследовательской методологии. Каждое десятилетие творческой биографии Нелли Васильевны отмечено значимыми публикациями, посвященными осмыслению тех или иных аспектов немецкой классики, а если оценивать значимость тех или иных исследовательских задач по масштабности и совокупной временной продолжительности проектов, направленных на их решение, то, наверное, ни одна другая эпоха в истории мировой философии не сравнится с ней.

В работе Мотрошиловой над материалом немецкой классики можно выделить несколько уровней историко-философской рефлексии и, соответственно, несколько разных исследовательских жанров.

Первый уровень – скрупулезная текстологическая и переводческая работа, направленная на раскрытие смыслового богатства понятийного аппарата этой философской традиции. При этом важную роль в работе Мотрошиловой с терминологией кантовской и послекантовской философии играет герменевтический принцип истории воздействий: она предлагает смотреть на канонические тексты немецкого идеализма одновременно и с учетом современного им контекста, и глазами читателя, уже знающего о том, как этот понятийный аппарат будет впоследствии причудливо трансформирован в неокантианстве, феноменологии, экзистенциальной философии. Именно опора

на этот принцип была положена в основу самого масштабного, самого трудоемкого и продолжительного из всех исследовательских проектов Нелли Васильевны – двуязычного издания сочинений Канта, которое имело своей целью не только стимулирование систематического обращения исследователей к немецким оригиналам и не только внедрение в российский научный обиход основных достижений кантофилологии, но и самый серьезный пересмотр и коррекцию русской рецепции кантовского словаря, сложившейся на базе существенно иных смысловых ожиданий, чем те, что направляют современного читателя. Например, как поясняет Мотрошилова в своем комментарии к новой редакции перевода «Критики чистого разума», если читателям XIX – начала XX в. не представлялось особенно важным то обстоятельство, что Кант пользуется словом Dasein как сравнительно недавно вошедшим в обиход немецким синонимом к заимствованному из латыни слову Existenz (а потому оба можно было переводить одним и тем же словом «существование» без всяких пояснений), то нашему современнику, вчитывающемуся в текст Канта уже после Гуссерля, Хайдеггера и Ясперса, невозможно не принимать во внимание дальнейшую судьбу обоих слов в немецкой мысли, а потому, пользуясь переводом, он имеет право знать, в каком случае Кант употребляет одно, а в каком – другое[1]. Острая полемика, развернувшаяся вокруг некоторых переводческих новаций Мотрошиловой в отношении Канта (в частности, вокруг предложенного ею перевода Ding an sich как «вещь сама по себе»), наглядно показала, что здесь споры о «букве» кантовской философии неизбежно перерастают в обсуждение фундаментальных вопросов, касающихся самого ее «духа»[2].

---

[1] Н.В. Мотрошилова, «Комментарии к новой редакции перевода “Критики чистого разума”», в *Сочинения на немецком и русском языках*, Иммануил Кант, т. 2, ч. 2, *Критика чистого разума*, пер. Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина, Н.В. Мотрошиловой (М.: Наука, 2006), 726–731.

[2] См.: В.И. Молчанов, «Безотносительное и независимое. О различии терминов и слов в “Критике чистого разума” Канта», *Историко-философский ежегодник* 32 (2017); А.Н. Круглов, «О некоторых источниках и проблемах перевода кантовского термина “Ding an sich”», *Историко-философский*

Второй уровень – это реконструкция исторического генезиса ключевых идей конкретных авторов в контексте их интеллектуальных биографий, осуществляемая одновременно на основе детального анализа канонических, программных текстов и с привлечением максимально широкого круга источников, включая окказиональные и маргинальные (переписка, дневниковые записи, черновые рукописные наброски). Ярким примером такого исследования является книга «Путь Гегеля к “Науке логики”» (1984)[3], где шаг за шагом в деталях прослежена идейная эволюция Гегеля, приведшая его к формированию собственной модели философской системы. Основное место отводится здесь медленному чтению: ведомый автором читатель имеет возможность задержаться на каждом повороте мысли, пристально вглядываясь в смысловые оттенки. В примыкающей к этой книге, но опубликованной существенно позже работе «“Философия права” Гегеля как социальная философия»[4] Мотрошилова обращается к зрелой философско-правовой концепции Гегеля, для прояснения генезиса которой привлекает не только аутентичные тексты философа, но и слушательские записи его лекций. В обеих названных работах пристальное внимание к историческому генезису рассматриваемых концепций помогает, с одной стороны, лучше понять их системные аспекты, прояснить их базовые принципы и методологическую специфику, а с другой стороны, увидеть гегелевскую философию, ставшую своего рода эталоном системостроительства, в ее становлении и незавершенности, как work in progress. У Нелли Васильевны нет столь же масштабных работ, посвященных другим немецким классикам, однако методологические установки, положенные в основу ее гегелеведческих штудий,

ежегодник 33 (2018); А.В. Кучеренко, «Вещь в себе и Вещь сама по себе в концепции кантовского агностицизм», *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки* 37, № 1 (2021): 49–57.

[3] Н.В. Мотрошилова, *Путь Гегеля к «Науке логики»* (М.: Наука, 1984).

[4] Н.В. Мотрошилова, «“Философия права” Гегеля как социальная философия», в *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе* (М.: Феноменология – Герменевтика, 2005).

безусловно, имеют силу и для них[5]. В противовес догматической и канонизирующей тенденции в интерпретации немецких классиков, много раз заявлявшей о себе в течение XX в. в самых разных культурно-политических и идеологических контекстах, Мотрошилова неизменно подчеркивает открытость и пластичность их мысли, внутреннюю подвижность, тот самый «диалектический непокой», который обнаруживается в основе их построений, стоит лишь немного убрать «хрестоматийный глянец».

Однако особенно интересны, на мой взгляд, те работы Мотрошиловой, где она поднимается на третий, самый высокий уровень, направляя теоретическую рефлексию на прояснение смысла и специфики всего духовно-исторического феномена «немецкой классической философии» в целом. Именно на этом уровне осуществляется синтез всех важнейших результатов, полученных на двух предыдущих, и предпринимается попытка, охватив единым взглядом весь идейный ландшафт эпохи, дать обобщенный портрет этой философской традиции. Важнейшим документом такой рефлексии является небольшая книга Нелли Васильевны о социально-исторических корнях немецкой классической философии[6], на которую, как мне представляется, до сих пор не обращалось внимания в той мере, в какой она того заслуживает. Я предлагаю внимательнее присмотреться к основным тезисам этой работы, в которой, как мне кажется, содержится ключ к пониманию того, почему именно немецкая классика оставалась для нее на протяжении всего ее творчества своеобразной точкой отсчета в оценке многих других историко-философских феноменов.

---

[5] Об этом убедительно свидетельствуют более популярные, но оттого не менее текстологически и исторически фундированные очерки, посвященные Канту, Фихте и Шеллингу; см.: Н.В. Мотрошилова, *Рождение и развитие философских идей* (М.: Политиздат, 1991), 308–462; Н.В. Мотрошилова, ред. *История философии: Запад – Россия – Восток*, кн. 2, *Философия XV–XIX вв.* (М.: Академический проект, 2012), 301–342, 358–388.

[6] Н.В. Мотрошилова, *Социально-исторические корни немецкой классической философии* (М.: Наука, 1990).

Общетеоретическая задача исследования, как она сформулирована в начале книги, кажется на первый взгляд сугубо теоретической:

> …дать целостную и одновременно максимально конкретную реконструкцию связи между философией прошлого и историческим процессом развития общества[7].

Однако Мотрошилова тут же поясняет, что у этой задачи есть и «практическое и остроактуальное» измерение:

> Понять немецкую классику в контексте развития общества, в связи с диалектикой истории – значит обратиться к прояснению более общих механизмов активного воздействия философии на современную ей эпоху и на историю в целом[8].

Из этой формулировки сразу становится понятна полемическая направленность работы. Вопреки ожиданиям, разговор о «социально исторических корнях» той или иной философии отнюдь не предполагает, что речь пойдет о каузальной обусловленности философских идей историческими обстоятельствами их возникновения. Напротив, погружение в социально-исторический контекст позволяет понять, что в определенных случаях само философское мышление выступает как специфическая форма прямого и активного творческого участия в историческом процессе.

Применительно к немецкой классической философии этот тезис приобретает вполне конкретное историко-философское содержание в свете известной традиции, решающим образом определившей восприятие немецкой классики в советском контексте. Я имею в виду стереотипное представление о якобы компенсаторном характере немецкой спекулятивной философии, восходящее прежде всего к публицистике «Молодой Германии» и работам Маркса. Согласно этому стереотипу, социально-экономическая и политическая отсталость раздробленной Германии в конце XVIII – первой четверти XIX в. препятствовала прямому участию немецких интеллектуалов

---

[7] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 5.

[8] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 5.

в политической жизни, а компенсацией этого дефицита стала философская рефлексия, именно поэтому принявшая максимально абстрактную форму. Молодой Маркс выразил эту мысль в свойственной ему язвительно-афористической манере:

> Немцы *размышляли* в политике о том, что другие народы *делали*. Германия была их *теоретической совестью*. Абстрактность и высокомерие ее мышления шли всегда параллельно с односторонностью и приниженностью ее действительности[9].

Сама Мотрошилова прямо указывает на преобладающее влияние этого стереотипа на советскую историографию и говорит о его преодолении как одной из главных задач своей работы:

> В отечественной историко-философской литературе сложилась традиция не просто критической, но чаще всего негативной оценки характерного для немецкой классики тяготения к «чистоте», сугубой всеобщности анализа социально-исторических феноменов. В рамках моего понимания социально-исторических корней немецкой классики […] возникает потребность по-новому взглянуть на данную проблему[10].

Для решения этой задачи необходимо, по мысли Мотрошиловой, различить три основных уровня взаимосвязи немецкой классической философии с историческим развитием общества – цивилизационный, эпохальный и ситуационный[11]. Именно связь этих трех уровней является ключом к пониманию того, как и в каком смысле философское мышление не только отражает те или иные исторические процессы, но и оказывается фактором, их формообразующим. В своих заметках я попытаюсь максимально сжато обрисовать логику размышлений Мотрошиловой, в которых, насколько я понимаю, вскрывается

---

[9] Карл Маркс, *К критике гегелевской философии права. Введение*, в *Сочинения*, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, т. 1 (М.: Государственное издательство политической литературы, 1955), 421; первое предложение этого пассажа цитирует в своей работе и сама Нелли Васильевна.

[10] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 24.

[11] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 6.

своеобразная внутренняя диалектика названных трех социально-исторических измерений философской мысли.

Основой для интерпретации немецкой классики здесь служит понятие цивилизации, впоследствии более полно и систематически разработанное Мотрошиловой во второй половине 2000-х гг. Читатели, знакомые с ее работами о цивилизации и варварстве[12], с удивлением найдут ключевые тезисы этих работ уже сформулированными в книге 1990 г. Цивилизация трактуется здесь как исторический процесс раскрытия всеобщей сущности человека во всё более глобальном преобразовании человеком природы («сплав индивидуального со всеобщеродовым в жизнедеятельности отдельного человека»[13]), всё более обобществленных и обобщенных формах совместной деятельности людей («сплав исторически единичного, особенного и всеобщего в актах социального взаимодействия[14]») и всё более универсализируемых объективированных формах и результатах этой деятельности людей («сплав особенного, общего и всеобщего в деятельности человека и человечества»[15]). При этом историческую уникальность немецкой классической философии Мотрошилова видит прежде всего в том, что в ней главным предметом осмысления становится сам этот процесс цивилизационного развития:

> Огромную заслугу немецкой классической философии оправданно видеть в настойчивом, бескомпромиссном утверждении настоятельной и всеобщей необходимости […] ориентироваться на всеобщую человеческую сущность, на человечество как целое[16].

Однако здесь возникает своеобразный парадокс. С одной стороны, мыслить в горизонте универсального, который задается глобально-цивилизационными процессами, для философа воз-

---

[12] Н.В. Мотрошилова, *Цивилизация и варварство в современную эпоху* (М.: ИФ РАН, 2007); Н.В. Мотрошилова, *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов* (М.: Канон+, 2010).

[13] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 11.

[14] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 12.

[15] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 12.

[16] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 19–20.

можно лишь при одновременном осознании им своего собственного мышления как лишь части этого процесса, то есть как чего-то исторически обусловленного в рамках определенного этапа этого процесса, определенной эпохи. С другой стороны, осознание собственной включенности в контекст определенной эпохи возможно лишь как постоянное воспроизведение критической рефлективной дистанции по отношению к ней и, следовательно, как артикуляция универсально-ценностного смысла в усилии абстрагирования от исторически конкретной фактичности, в отталкивании от эмпирии:

> Философия понимается, и особенно четко у Фихте и Гегеля, как обусловленная временем, эпохой. Содержание философия черпает от эпохи. Другого содержания у философии нет. Но именно потому, что философия нацелена на познание «субстанционального» своего времени, своей эпохи, т.е. ее закономерных, существенных связей и отношений, философия, по крайней мере благодаря этой своей форме, стоит также над временем, над эпохой[17].

Диалектическое напряжение между сознанием собственной историчности (особенно обостренным вследствие резкого ускорения социально-исторических процессов) и сознанием необходимости выхода к универсальному цивилизационному смыслу находит свое выражение в базовой общетеоретической установке, которую Мотрошилова называет «теоретическим контуром» немецкой философской мысли – в учении о чистом разуме.

> Мы не всегда вдумываемся, – отмечает она, – в смысл и истоки философии чистого разума, чистого духа: нам кажется, что это очищение философии от непосредственного следования происходящему в действительности – лишь движение, продиктованное требованиями сугубой абстрактности, логико-гносеологической чистоты теории. И не учитываем, насколько с данной тенденцией теории соединялся и укреплял ее как раз своеобразный социальный подход[18].

---

[17] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 122.

[18] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 115.

В немецком идеализме очищение разума никоим образом не является симптомом конформизма или эскапизма; напротив, оно позволяет высвобождать новые потенции исторического движения. Это, как показывает Мотрошилова, особенно четко видно при анализе отношения немецких классиков к французской революции – событию, так или иначе знаменующему собой историческую специфику эпохи:

> именно ее (французской революции. – *П.Р.*) развитие было среди объективных обстоятельств, укреплявших немецких философов в убеждении, что философское очищение разума, т.е. сохранение абстрагирующего теоретического контура философии, настоятельно необходимо[19].

Осмыслить конкретное событие в его связи с цивилизационным процессом означает удерживать в потоке последующих изменений его универсальное значение, и именно максимально абстрактный философский инструментарий позволяет это сделать:

> Классики немецкой философии стремились «очистить» идеалы французской революции от конкретной действительности самой революции […]. Идеалы свободы, равенства и братства удерживались в незамутненной чистоте – прежде всего от тех изменений, наслоений, противоречий, к которым привела сама французская революция[20].

Таким образом, стремление философа к удержанию позиции «над схваткой», по мысли Мотрошиловой, вовсе не попытка уклониться от участия в истории:

> Здесь философия достигала, казалось бы, высшего пункта абстрагирования от несвободы, от зла, неизбежных в реальном развитии общества. Но сами-то философы вовсе не считали дело завершенным. Операция очищения духа, разума представлялась им имевшей социально-исторические предпосылки и ведущей в конце концов к специфическому именно для философии новому вторжению в мир, в царство социальной действительности.

---

[19] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 115–116.

[20] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 117–118.

> В центре внимания философов – напряженное противоречие между очищением разума и его способностью претворяться в действительность[21].

Потенциал исторического действия, высвобождаемый очищением разума, получает свое содержательное определение и конкретное раскрытие в различных исторических ситуациях, благодаря смене которых как раз и обнаруживается опосредующая связь цивилизационно-всеобщего и эпохально-особенного. Здесь Мотрошилова придает особое значение рассмотрению включенности философа в разнообразные сообщества, ведь даже самое что ни на есть отвлеченное высказывание всегда делается в контексте определенных смысловых ожиданий различных, часто вполне конкретных адресатов. Поэтому социальные эффекты применения «теоретического контура» обнаруживаются лишь при учете того,

> как на развитие личности философа и на его идеи влияет, во-первых, раскол на официальное и неофициальное сообщества и, во-вторых, содержательные размежевания и в неофициальном сообществе[22].

Универсалистские стремления философа не находятся в противоречии со смысловой поливалентностью его речи, обращенной одновременно к официальному и неофициальному сообществам, каждое из которых, в свою очередь, неоднородно. Для исследователя это означает, что понимание исторической действенности философских идей невозможно вне учета такого контекста, который из современной перспективы может показаться совершенно незначительным в сравнении с цивилизационным размахом этих идей[23]. Такой подход требует новой

---

[21] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 120.

[22] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 104.

[23] Невольно вспоминается едкая шутка Генриха Гейне, который в памфлете «К истории философии и религии в Германии» заметил об одном из полемических оппонентов Лессинга: «Кто из нас знал бы когда-нибудь что-либо о том Клотце, на которого Лессинг истратил так много насмешек и остроумия! Каменные глыбы, которые он метал в этого бедного археолога и которыми он сокрушил его, являются теперь непреходящим памятником Клотцу»

исследовательской оптики, позволяющей учитывать неоднородность медийной среды, в которой артикулируются и распространяются философские идеи. Как убедительно показывает Мотрошилова, именно постоянное переключение из универсально-систематического регистра в окказионально-полемический и обратно позволяет немецким классикам удерживать позицию одновременно и «внутри» эпохи, и «над» ней при всех изменениях социальной и политической конъюнктуры, не изменяя своим принципиальным философским установкам.

В заключение этих заметок позволю себе еще два субъективных замечания.

Если посмотреть на суммированные мной выкладки Мотрошиловой в контексте предшествующего и последующего развития исследований немецкой классической философии, мне кажется, нельзя не заметить, что в них отчасти развиты, отчасти предвосхищены некоторые тенденции современных ей западных исследований в этой области. Так, в тезисе, что для немецкого идеализма конститутивно острое сознание собственной историчности, можно увидеть развернутую и обобщенную реакцию на предложенную Юргеном Хабермасом еще в 1986 г. интерпретацию Гегеля как первого западного философа, для которого

> проблема самообоснования, самоподтверждения модерна обостряется настолько, что Гегель может воспринять этот вопрос в качестве философской проблемы и притом в качестве основной проблемы своей философии[24].

В общей характеристике эпохи, где, несмотря на активное употребление марксистской терминологии, формационные критерии явно не играют решающей роли, просматриваются очевидные аналогии с выдвинутой Райнхартом Козеллеком концепцией Sattelzeit (хотя само это понятие не упоминается), а указание

(Генрих Гейне, *К истории философии и религии в Германии*, в *Собрание сочинений в 10 т.*, т. 6 (М.: ГИХЛ, 1958), 88).

[24] Юрген Хабермас, *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*, 2-е изд., пер. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской (М.: Весь Мир, 2008), 16.

на необходимость учитывать историческую полисемию оспариваемых понятий, вероятно, вдохновлено его же программой Begriffsgeschichte (показательно, что в своей книге Мотрошилова не только обширно цитирует одну из статей Козеллека[25], но и ссылается в примечании к этой цитате на его программную книгу 1979 г. «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторических времен»[26]). Рассуждения о роли сообществ и полемик в артикуляции и дистрибуции философских идей обнаруживают разительные параллели с методологическими нововведениями Дитера Хенриха, чья новаторская в этом отношении монография «Констелляции. Проблемы и дебаты у истока идеалистической философии (1789–1795)» вышла в свет всего через год, в 1991 г.[27] Таким образом, концепция Мотрошиловой формируется одновременно и в полемическом противостоянии официозной советской историографии, и в продуктивном диалоге с европейским исследовательским сообществом, на пересечении нескольких исследовательских подходов, которые она пытается синтезировать.

Вместе с тем при чтении книги постоянно возникает ощущение, что, помимо масштабного исследовательского замысла, в ней есть и глубоко личное, экзистенциальное измерение. В создаваемом Нелли Васильевной образе немецкой классики проступают узнаваемые черты поколения, к которому принадлежит она сама, – поколения советско-российских философов-шестидесятников. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в написанное А.А. Гусейновым предисловие к ее сборнику

---

[25] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 115–116; цитируется статья: Reinhart Koselleck, «Sprachwandel und sozialer Wandel imausgehenden Ancien Regime», in *Deutschlands kulturelle Entfaltung. Die Neubestimmung des Menschen*, hrsg. Bernhard Fabian, Wilhelm Schmidt-Biggemann und Rudolf Vierhaus (München: Kraus, 1980).

[26] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 202; цитируется издание: Reinhart Koselleck, *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979).

[27] Вероятно, будущий биограф Нелли Васильевны сможет соотнести это наблюдение со свидетельствами и документами, в которых отражены ее контакты с Хенрихом в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

«Работы разных лет»[28], где дан обобщенный портрет этого поколения. Поэтому не случайно, что лейтмотивом ее повествования об эпохе немецкой классики становится ключевая для шестидесятников метафора «оттепели», сменяющейся «похолоданиями» и «заморозками»; не случайно, что существенной характеристикой публичной речи философа здесь оказывается его одновременная принадлежность к официальному и неофициальному сообществам и сохранение дистанции по отношению к обоим[29], вследствие чего философские смыслы нуждаются в «тщательной расшифровке» сообразно формам и механизмам взаимодействия с тем и другим[30]; не случайно главной миссией философии оказывается сохранение идеалов универсализма в противовес партикулярным политическим интересам[31].

Завершая последнюю главу своей книги о немецкой классике, Мотрошилова пишет:

---

[28] А.А. Гусейнов, «Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники», в *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе*, Н.В. Мотрошилова (М.: Феноменология – Герменевтика, 2005).

[29] Ср.: «Шестидесятничество […] по своему положению и самосознанию отличалось и от официального общественного слоя, представленного партийными и околопартийными гуманитариями, и от контр-общества, представленного диссидентством. Телом они были с первыми, а душой со вторыми. Шестидесятники имели легальный статус, действовали в официально практикуемых формах активности, но при этом находились под трудно скрываемым подозрением […]. Для партийной номенклатуры они были скорее терпимы, чем желанны. Действуя так, что формально к ним нельзя было придраться, используя возросшую дифференцированость общества, которая уже не поддавалась тотальному контролю, а также неизбежно сопряженную с этим противоречивость институциональных и персональных интересов во властных структурах, они создали свою собственную среду – внешне неуловимую, но внутренне цельную и очень эффективную» (Гусейнов, «Мотрошилова и философы-шестидесятники», 5).

[30] Мотрошилова, *Социально-исторические корни*, 184.

[31] Ср.: «Шестидесятники […] стали говорить в философии от имени науки, истины. И они стали позиционировать себя в обществе как люди, призванные выражать и оберегать философские истины […]» (Гусейнов, «Мотрошилова и философы-шестидесятники», 11).

> Для формирования философских идей и особенно способов их выражения очень важно, что одна ситуация переливается в другую, что социальная «оттепель» – время революционности, радикализма, критики – сменяется «похолоданием», временем реакции и частичной реставрации старого. Философия и философы не могут не испытывать на себе давление подобного перехода, егопоследствий. Но философия […] дает возможность тем, кто заразился идеалами свободы, критицизма, устоять перед холодными ветрами реакции, развить неконъюнктурные, надситуативные идеи и принципы. И чем глубже, основательнее, полнее продумывается, воплощается мыслителями специфика философии, чем последовательнее и отважнее реализуется миссия философии и философов, тем весомее ее непреходящий вклад в развитие человечества, его культуры[32].

Эти слова – не только результат комплексного анализа конкретного историко-философского феномена, но и философское кредо самой Нелли Васильевны.

Список литературы / References

Гусейнов, А.А. «Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники». В *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе*, Н.В. Мотрошилова, 4–11. М.: Феноменология – Герменевтика, 2005.

(Guseynov, Abdusalam A. [«Nelly V. Motroshilova and Philosophers of the Sixties»]. In [*Works of Various Years. Selected Papers and Essays*], by Nelly V. Motroshilova, 4–11. Moscow: Fenomenologiya – Germenevtika Publ., 2005 (in Russian)).

Гейне, Генрих. *К истории философии и религии в Германии*. В *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 6. М: ГИХЛ, 1958.

(Heine, Heinrich. *Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland*. In [*Gesammelte Werke in 10 Bde.*] Bd. 6. Moskau: GIKhL Verlag, 2005 (in Russian)).

Круглов, А.Н. «О некоторых источниках и проблемах перевода кантовского термина “Ding an sich”». *Историко-философский ежегодник* 33 (2018): 137–164. https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.33.21033.

(Krouglov, Alexei N. «On Some Sources and Problems of Kant’s “Ding an sich” Translation». *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-*

[32] Гусейнов, «Мотрошилова и философы-шестидесятники», 179.

filosofskii ezhegodnik 33 (2018): 137–164. https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.33.21033 (in Russian)).

Кучеренко, А.В. «Вещь в себе и Вещь сама по себе в концепции кантовского агностицизм», *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки* 37, № 1 (2021): 49–57. https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.37.1.05.

(Kucherenko, A.V. «Thing in Itself and Thing as Itself in the Concept Kantian Agnosticism», *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series* Pedagogy and Psychology, 37, No. 1 (2021): 49–57. https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.37.1.05 (in Russian)).

Маркс, Карл. *К критике гегелевской философии права. Введение*. В *Сочинения*, Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

(Marx, Karl. «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung». In [*Werke*], von Karl Marx und Friedrich Engels, Bd. 1, Moskau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Verlag, 1955 (in Russian)).

Молчанов, В.И. «Безотносительное и независимое. О различии терминов и слов в "Критике чистого разума" Канта». *Историко-философский ежегодник* 32 (2017): 103–133.

(Molchanov, Victor I. «On the Difference Between Terms and Words in Kant's Critique of Pure Reason». *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 32 (2017): 103–133 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Путь Гегеля к «Науке логики»*. М.: Наука, 1984.

(Motroshilova, Nelly V. [*Hegel's Path to the* Science of Logic]. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Социально-исторические корни немецкой классической философии*. М.: Наука, 1990.

(Motroshilova, Nelly V. [*Social and Historical Roots of the Classical German Philosophy*]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Рождение и развитие философских идей*. М.: Политиздат, 1991.

(Motroshilova, Nelly V. [*The Birth and Development of Philosophical Ideas*]. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «"Философия права" Гегеля как социальная философия». В *Работы разных лет. Избранные статьи и эссе*, 287–309. М.: Феноменология – Герменевтика, 2005.

(Motroshilova, Nelly V. [«Hegel's "Philosophy or Right" as a Social Philosophy»]. In [*Works of Various Years. Selected Papers and Essays*], 287–309. Moscow: Fenomenologiya – Germenevtika Publ., 2005 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Комментарии к новой редакции перевода “Критики чистого разума”». В *Сочинения на немецком и русском языках*, Иммануил Кант. Т. 2. Ч. 2. *Критика чистого разума*. Перевод Н.О. Лосского, сверка Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина и Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006.

(Motroshilova, Nelly V. «Kommentare zur neugefaßten Übersetzung der *Kritik der reinen Vernunft*». In *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*, Immanuel Kant. Bd. 2. Teilband 1. *Kritik der reinen Vernunft*. Übersetzt von Nikolay Lossky, herausgegeben von C.G. Arzakanyan, M.I. Itkin und Nelly V. Motroshilova, Moskau: Nauka Publ., 2006 (in Russian and German)).

Н.В. Мотрошилова. *Цивилизация и варварство в современную эпоху*. М.: ИФ РАН, 2007.

(Motroshilova, Nelly V. [*Civilisation and Barbarity in the Modern Age*]. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2006 (in Russian)).

Н.В. Мотрошилова. *Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов*. М.: Канон+, 2010.

(Motroshilova, Nelly V. [*Civilisation and Barbarity in the Age of Global Crises*]. Moscow: Kanon+ Publ., 2006 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В., ред. *История философии: Запад – Россия – Восток*. 4 кн. М.: Академический проект, 2012.

(Motroschilova, Nelly V., ed. [History of Philosophy: West – Russia – East]. 4 vols. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2012 (in Russian)).

Хабермас, Юрген. *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*, 2-е изд. Перевод М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова и Г.М. Северской. М.: Весь Мир, 2008.

(Habermas, Jürgen. *Der philosophische Diskurs der Moderne: Zwölf Vorlesungen*. 2. Aufl. Übersetzt von M.M. Beljajew, K.W. Kostin, E.L. Petrenko, I.W. Rosanow und G.M. Sewerskaja. Moskau: Ves’ Mir Verlag, 2008 (in Russian)).

Koselleck, Reinhart. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.

Koselleck, Reinhart. «Sprachwandel und sozialer Wandel imausgehenden Ancien Regime». In *Deutschlands kulturelle Entfaltung. Die Neubestimmung des Menschen*, herausgegeben von Bernhard Fabian, Wilhelm Schmidt-Biggemann und Rudolf Vierhaus, 15–30. München: Kraus, 1980.